ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ,

повествующая о том, как злой дух посягнул на истинное учение и как конь-дракон вспомнил о мятущейся обезьяне

Мы остановились на том, что волшебник приказал связать Ша-сэна. Однако он не убил его, не подверг избиению и даже не выругал. Взяв в руки свой стальной меч, он стал размышлять:

«Танский монах относится к высшему разряду людей и с ним следовало обращаться по определенному этикету. В конечном счете я должен был сохранить ему жизнь. А его ученики, которых он прислал, ничего со мной не сделают. Постой-ка! — вдруг вспомнил он. — Вероятно, моя жена отправила к себе на родину письмо, и, таким образом, тайна оказалась раскрытой. Сейчас пойду узнаю у нее, как было дело».

И, приняв грозный вид, волшебник решил убить принцессу. Между тем принцесса, ничего не подозревая, закончила свой туалет и спокойно вышла в парадное помещение. Увидев рассвирепевшего мужа, который зло вращал глазами, теребил брови и скрежетал зубами, принцесса все же с улыбкой приветствовала его.

— Господин мой, — промолвила она, — вы чем-то удручены?

— Ты — низкая женщина, с сердцем собаки, — не выдержав, стал ругаться волшебник. — Ты нарушаешь все нормы людских отношений. Ведь когда я привез тебя сюда, я не сказал тебе ни одного плохого слова. Я одел тебя в шелка, подарил золотые украшения, в общем, доставил тебе все, что ты желала. С каждым днем я все больше люблю тебя. Почему же ты думаешь только о своих родителях и не чувствуешь никакой привязанности к мужу?

Услышав это, перепуганная принцесса упала на колени перед волшебником.

— Господин мой, — сказала она, — почему это ты вдруг вздумал говорить о разводе?

— Не знаю, кто из нас хочет этого: ты или я, — сердито ответил волшебник — Я хотел поступить с тем лысым ослом по своему усмотрению, почему же ты, не сказав мне ни слова, освободила его? Теперь я все понимаю. Ты тайком написала своему отцу письмо и решила отослать его с монахом. Вот поэтому эти монахи снова явились сюда, напали на мою пещеру и требуют, чтобы я тебя отдал им. Разве все это не твоих рук дело?

— Господин мой, — произнесла женщина, — напрасно ты ругаешь меня. Разве осмелилась бы я послать какое-то письмо?

— Так ты еще вздумала отпираться! — заорал волшебник — Да я только что поймал одного из этих монахов, и он сейчас здесь. Разве это не явное доказательство твоей виновности?

— О ком ты говоришь? — спросила принцесса.

— О втором ученике Танского монаха — Ша-сэне, — отвечал волшебник. — Никому не хочется умирать, и каждый, конечно, старается свалить вину на другого.

— Господин мой, — сказала принцесса, — ты не сердись. Давай спросим этого монаха. Если окажется, что такое письмо действительно было, тогда можешь убить меня; я охотно приму смерть. Но если никакого письма не было, зачем меня убивать?

Однако волшебник не пожелал больше разговаривать с ней, протянул свои синие, огромные, как веяльная плетушка, руки и, схватив принцессу за волосы, подтащил к себе, повалил на пол и занес над ней меч. Но прежде чем убить ее, он все же решил спросить Ша-сэна.

— Эй ты, Ша-сэн! — крикнул он. — Как это вы с Чжу Ба-цзе осмелились явиться сюда? Не иначе как эта женщина отправила к себе на родину письмо и ее отец послал вас сюда.

Взглянув на рассвирепевшего волшебника и на меч, занесенный над принцессой, Ша-сэн подумал:

«Я, конечно, знаю, что она отправила письмо, но ведь она спасла нашего учителя от смерти, тем самым совершив великое благодеяние. Если я скажу волшебнику правду, он убьет принцессу. А так, конечно, не платят за добро. За все время, что я нахожусь с Танским монахом, я ничего еще не сделал, чтобы отблагодарить его. И вот сейчас, раз уж я все равно привязан, я пожертвую своей жизнью, чтобы отплатить за великую милость, оказанную моему учителю». Подумав так, Ша-сэн тотчас же обратился к волшебнику.

— Эй ты! — крикнул он. — Не будь таким невежественным! Из-за какого это письма ты вздумал лишить принцессу жизни! Мы явились сюда совсем по другой причине. Это произошло потому, что ты захватил нашего учителя и не хотел отпускать его, а он случайно увидел здесь принцессу Когда же он прибыл в Баосянго, то, явившись ко двору, чтобы получить разрешение на дальнейший проезд, разговорился с государем. Тот спросил учителя, не встречал ли он где-нибудь его дочери-принцессы и описал ее наружность. Учитель в свою очередь рассказал о том, как выглядит принцесса и какие у нее манеры Тут государь понял, что это и есть его дочь. Тогда он преподнес нам по бокалу вина и попросил отправиться сюда, схватить тебя и вернуть принцессу во дворец. Все это — истинная правда. Так что письмо, о котором ты говоришь, тут ни при чем. Если же тебе непременно хочется убить кого-нибудь, убивай меня, зачем же губить жизнь невинного человека и совершать преступление против законов неба?!

Услышав, как смело и решительно говорит Ша-сэн, волшебник выронил из рук меч и, поднимая принцессу, сказал:

— Я был очень груб и оскорбил тебя Прости, пожалуйста, и не сердись.

Он заботливо разгладил на ней платье, осторожно поправил прическу и, всячески стараясь загладить свою вину, нежно подняв принцессу, унес ее в помещение. Здесь он усадил ее и принес ей извинения, совершив поклоны Ну, а принцесса, как всякая женщина, видя, что волшебник всячески старается оказать ей почести, решила воспользоваться этим.

— Господин мой, — сказала она, — если ты действительно любишь меня, вели ослабить веревки у этого монаха.

Волшебник сразу же приказал развязать Ша-сэна и запереть его. Ша-сэн очень обрадовался такому обстоятельству.

«Еще в старину говорили, — подумал он: — «Делая добро другим, — делаешь добро и себе» Если бы я не выручил ее, разве догадалась бы она попросить волшебника освободить меня от веревок?»

Между тем волшебник велел устроить пир, чтобы извиниться перед принцессой за причиненное ей беспокойство. И вот, захмелев, он вдруг надел новое платье, взял в руки меч и, поглаживая принцессу, сказал:

— Ты оставайся дома, женушка, пей и закусывай. Только хорошенько смотри за детьми да монаха не выпускай. Я же, пользуясь тем, что Танский монах сейчас в Баосянго, хочу побывать там и познакомиться со своими родственниками.

— С какими же родственниками ты хочешь знакомиться? — спросила принцесса.

— С твоим отцом-государем, — отвечал волшебник. — Ведь я как-никак прихожусь ему зятем, а он мне тестем. Почему бы нам и не познакомиться?

— Нельзя тебе ходить туда, — сказала принцесса.

— Почему же это? — удивился волшебник.

— Да потому, что страна, которой правит мой отец, не завоевана им в битвах и сражениях, — сказала принцесса. — Царство досталось ему по наследству от предков и еще в младенческом возрасте он вступил на престол. Он никогда надолго не покидал свою страну и никогда не был таким свирепым, как ты. К тому же весь твой облик так безобразен, что он, увидев тебя, может напугаться. Нет, уж лучше тебе туда не ходить.

— Но я могу принять другой, более пристойный вид, и все будет в порядке, — сказал волшебник.

— Ну-ка прими, я посмотрю, — предложила принцесса.

О, чудесный волшебник! Он тут же встряхнулся и превратился в статного красавца.

Он был красив. Не гнулся стройный стан;

Речь — как у тех, что носят важный сан.

Казалось, что ему немало лет.

И духом был он, как Цзы Цзинь — поэт;

Пань Аню был подобен красотой

Тому, которому народ простой,

Когда его на улице встречал,

В восторге лучшие плоды бросал.

Любил сорочью шапку надевать

И выпускать волос густую прядь;

Носил он разноцветные шелка,

И рукавом покачивал слегка,

Блестящий пояс ярко был расшит.

Поистине — великолепный вид!

И даже пестрой вышивкой сапог

Красавец этот похвалиться мог.

Увидев его, принцесса пришла в восторг.

— Ну как, женка, хорош я теперь? — спросил смеясь волшебник.

— Хорош, очень хорош! — воскликнула принцесса — В таком виде ты можешь идти ко двору. Государь, мой отец, конечно, не откажется от такого родственника; он созовет гражданских и военных сановников и устроит в честь твоего прибытия роскошный пир. Только смотри, будь осторожен и хорошенько следи за тем, чтобы случайно не принять свой настоящий вид. Если обман раскроется, получится большая неприятность.

— Об этом можешь не тревожиться, — сказал волшебник. — Я знаю, что делать.

И вы только взгляните: он взобрался на облако и в тот же миг очутился в стране Баосянго. Подойдя к воротам дворца, он обратился к начальнику стражи:

— Доложите, пожалуйста, государю о том, что прибыл его зять.

Один из стражей поспешил к государю.

— Великий государь! Сюда прибыл твой зять, муж третьей принцессы. Он ждет у ворот дворца.

В этот момент государь как раз беседовал с Сюань-цзаном. Услышав, что прибыл третий зять, он, обращаясь к своим приближенным, сказал:

— У меня есть только два зятя, откуда же взялся третий?

— Третий зять, — сказали на это сановники, — не кто иной, как сам волшебник!

— Что получится, — растерянно произнес государь, — если мы пригласим его сюда?

Между тем Сюань-цзан, услышав это известие, пришел в полное замешательство.

— Ваше величество, — промолвил он, — ведь это же колдун! Если бы он не умел превращаться в призрак, он не мог бы быть колдуном. Ему известно и прошлое и настоящее. Он обладает искусством ездить на облаках и тумане. Пригласите вы его или нет, он все равно войдет, Лучше уж пригласить. Будет меньше неприятностей.

— Введите его, — приказал государь.

Волшебника ввели в зал. Подойдя к трону, он, грациозно изогнувшись, отдал полагающиеся почести. Когда сановники увидели перед собой статного, красивого мужчину, никому из них и в голову не пришло, что перед ними волшебник. Он ничем не отличался от простого смертного, да к тому же с виду был прекрасным человеком.

А государь, увидев перед собой такого красавца, готов был принять его за одного из великих мужей, которые отвечают за управление государством.

— Дорогой зять, — сказал он, обращаясь к нему. — Скажите, пожалуйста, где ваш дом, из какой страны вы прибыли, когда успели жениться на принцессе — моей дочери и почему только сейчас пришли познакомиться со мной?

— Дорогой тесть, — отвечал, земно кланяясь, волшебник, — ваш покорный слуга — властелин пещеры Боюэ на горе Ваньцзышань, которая лежит к востоку от вашей страны.

— А далеко эта гора отсюда? — снова спросил государь.

— Совсем недалеко, всего триста ли, — отвечал волшебник.

— Триста ли? — удивился государь. — Как же моя дочь попала туда и как вы поженились?

Тут волшебник стал придумывать весьма сложную историю:

— Дорогой тесть, — сказал он. — С малых лет я увлекался охотой из лука и верховой ездой. Охота — мое главное занятие. Тринадцать лет тому назад в сопровождении нескольких десятков слуг я отправился на охоту с соколами и собаками. вдруг мы увидели полосатого тигра, который нес на спине женщину. Тигр спускался с горы. Тут я натянул свой лук, пустил стрелу и подстрелил тигра. Женщину мы отвезли в мои владения, выкупали ее в теплом источнике, и она пришла в себя. Таким образом нам удалось спасти ей жизнь. Мы стали расспрашивать, откуда она родом, но она ни разу не назвала вашего имени. Если бы она хоть упомянула о том, что является третьей дочерью государя, разве я осмелился бы жениться на ней. Я счел бы своим долгом явиться к вам во дворец и просить какой-нибудь должности, чтобы просла- вить свое имя. Но она говорила, что она дочь простых родителей, потому я и оставил ее у себя. Она оказалась очень умной, способной девушкой, мы понравились друг другу, поженились по обоюдному желанию, и теперь уже много лет состоим в браке. Я хотел убить тигра и пригласить на пир родственников, но моя жена попросила не убивать его. Причину своей просьбы принцесса изложила в нескольких строках, в которых очень хорошо была показана ее нравственная сущность. Строки эти гласили:

Милостью земли и неба

Мужем и женой мы стали,

Без свидетелей и сватов

Нашу свадьбу мы сыграли.

Жениху с невестой ноги

Красный шнур вязал когда-то,

А для нас был тигр свирепый

За свидетеля и свата.

— Выслушав ее, я приказал отпустить тигра, и он умчался вместе со стрелой, которую я выпустил в него. Я даже не знал, что он остался жив. Живя в горах, он все эти годы совершенствовался, стал волшебником и кормился тем, что вылавливал сбившихся с дороги путников. Мне стало известно, что за это время там проходило несколько паломников за священными книгами, все это были монахи из страны Танов. Несомненно, что этот тигр погубил и последнего Танского монаха, завладел его бумагами и, приняв его облик, явился к вам во дворец, чтобы обмануть вас, дорогой тесть. Да вот этот разукрашенный чурбан, — воскликнул он, указывая на Сюань-цзана, — и есть тот самый тигр, который тринадцать лет тому назад утащил вашу дочь. Не думайте, что это паломник за священными книгами.

И вот слабовольный и не очень далекий государь не только не распознал волшебника, но, наоборот, принял все его россказни за истинную правду.

— Дорогой зять мой! — сказал он. — Как же вам удалось узнать в монахе тигра, который утащил мою дочь?

— Уважаемый тесть, — отвечал волшебник, — я живу в горах, и питаюсь тиграми, и сплю на их шкурах. Я, можно сказать, ложусь и встаю вместе с ними. Как же мне не знать их!

— В таком случае заставьте этого тигра принять свой настоящий вид! — сказал государь.

— Прикажите принести мне полчашки чистой воды, — попросил волшебник, — и я заставлю его принять свой настоящий вид.

Государь приказал принести воды и передал ее зятю. Волшебник подошел к Сюань-цзану и, применив способ «черные глаза устанавливают тело», произнес заклинание и, набрав в рот воды, прыснул ею на Сюань-цзана и крикнул: «Изменись!». В тот же миг тело монаха поднялось вверх, а сановники, будучи простыми смертными, увидели перед собой полосатого тигра.

Вздымалась голова,

На лбу пятно белело,

Броски огромных лап

Несли громаду тела.

Как молнии небес,

Сверкал тигриный взор,

А шкуру испещрял

Причудливый узор.

Как крючья, круто

Когти изгибались:

В добычу, как мечи,

Они вонзались.

Вгрызались зубы,

Словно зубья пил…

Тигр — в ярости

На кошку походил.

Остервенясь,

Казался нравом злобным

Он диким, желтым буйволам

Подобным.

Как лук, натянут был

Язык шершавый…

Зверь тяжело дышал

Смертельною отравой;

Вздымал стальную шерсть,

Как острую щетину,

Как будто сотни спиц

Унизывали спину.

Был страшен этот зверь:

Огромный, полосатый,

И рык его потряс

Дворцовые палаты.

При виде тигра у государя душа ушла в пятки, а сановники разбежались кто куда. Однако нашлось несколько отважных полководцев, которые вместе с подчиненными им командирами ринулись вперед и начали напропалую колотить тигра. И если бы Сюань-цзану суждено было умереть, то на этот раз будь на его месте даже двадцать монахов, они все были бы превращены в кровавое месиво. Но, к счастью, в этот момент появились духи — хранители учения Будды, духи Лю-дин и Лю-цзя и духи-стражи, которые, находясь в воздухе, охраняли Сюань-цзана. Поэтому оружие, с которым на него бросились воины, не причинило ему ни малейшего вреда. Воины бушевали до вечера и, наконец, взяли тигра живым, связали его железными прутьями и посадили в железную клетку.

Между тем государь вызвал главного казначея и приказал ему устроить в честь зятя пир, желая отблагодарить его за то, что он избавил их от смертельной опасности и разоблачил монаха. В тот вечер сановники очень поздно покинули дворец. Волшебник вошел в зал Серебряного спокойствия.

Во дворце были отобраны восемнадцать красавиц, которые играли, пели, танцевали, приглашая волшебника пить вино и веселиться. Волшебник восседал на почетном месте. По обеим сторонам от него расположились обворожительные, изящные девушки. Волшебник изрядно выпил и ко второй страже совсем опьянел. Тут он забыл о всякой предосторожности. Вскочив на ноги, он расхохотался, принял свой настоящий облик и у него возникли злодейские намерения. Он протянул свои огромные лапы к находившейся рядом с ним девушке, игравшей на пиба, схватил ее и в один миг откусил ей голову. Остальные семнадцать девушек, обезумев от страха, бросились бежать сломя голову.

Дамы при дворе

От страха растерялись,

И в испуге

Падают красотки,

Каплями дождя ночного,

Что в саду стекают

По решетке,

Окружающей цветущий лотос.

Разбежались милые подруги;

Как цветы гортензий

Под дыханьем ветерка весенним,

Задрожали,

Помышляя только о спасенье.

Лютни и пиба

Поразбивали,

Лютни и пиба

Они сломали,

Спотыкаясь, падая

В смятенье.

Прижимаясь в ужасе

Друг к другу,

Не поймут,

Куда им скрыться

От беды жестокой

К северу бежать им

Или к югу,

К Западу стремиться,

Иль к востоку

Спотыкаясь, падая,

Бежали,

Красоту теряя

В столкновенье.

Каждая бежала,

Что есть силы,

Помышляя только

О спасенье.

Была глубокая ночь, и девушки не осмеливались даже крикнуть, чтобы не потревожить государя. Мы не будем говорить о том, как они, дрожа от страха, спрятались, притаившись около стены, а вернемся лучше к волшебнику. Оставшись один, он то и дело наливал себе вина. Выпьет чашку, схватит какого-нибудь человека и в два счета проглотит его, упиваясь кровью.

Между тем в городе прошел слух, что Танский монах оказался тигром-оборотнем. Разговоры об этом распространялись, пока, наконец, не дошли до гостиницы «Золотой павильон». А там в этот момент никого не было, кроме коня Сюань-цзана, который в это время жевал заданный ему корм. А как вы знаете, читатель, конь этот был не простым конем, а сыном царя драконов Западного моря. За нарушение небесных законов ему отрезали рога и превратили его в животное. Впоследствии он был превращен в белого коня, который должен был везти Сюань-цзана на Запад за священными книгами.

Услышав о том, что Танский монах совсем не монах, а оборотень-тигр, конь подумал: «Наш учитель, несомненно, хороший человек, не иначе как какой-нибудь волшебник превратил его в тигра и хочет погубить его. Что же теперь делать? Как быть? Нашего старшего брата давно уже нет с нами, а от Чжу Ба-цзе и Ша-Сэна тоже никаких вестей». Дождавшись второй стражи, он вскочил на ноги.

— Если я не спасу Танского монаха, — сказал он себе, — то никогда не смогу искупить своей вины.

И, не в силах сдерживать себя, он разорвал повод, которым был привязан, и сбросил с себя седло и сбрую. Затем он потянулся и поспешил принять свой прежний вид, превратившись в дракона. Взлетев в облака, он поднялся прямо на девятое небо и стал осматриваться, Об этом сложены стихи, которые гласят:

Трипитака пошел на Запад,

Он Будде желал поклониться;

В руки волшебника злобного

На пути попался нечаянно.

Тот превратил его в тигра, —

Как ему освободиться

Белый конь его вздыбился,

Чтобы сбросить хозяина.

И вот сын царя драконов увидел зал Серебряного спокойствия Он был ярко освещен и, казалось, сиял. Там были зажжены восемь фонарей с восемью свечами. Дракон спустился пониже и, присмотревшись внимательно, увидел, что волшебник, восседая на почетном месте, попирая священные законы, пьет вино и закусывает человеческим мясом.

— Ну, негодяй, пришла твоя смерть, выдал ты себя с головой, — смеясь сказал дракон. — Смотри, как он ликует! Да, в пожирании людей ты большой знаток. Однако где же может быть учитель? Пока что мне удалось встретить только эту низкую тварь. Сыграю я сейчас с ним штуку Главное расправиться с волшебником, а спасти учителя я еще успею.

О, прекрасный молодой дракон. Он встряхнулся и сразу же превратился в одну из придворных девушек, очаровательную и грациозную Плавно она поспешила в зал и, склонившись перед волшебником, пожелала ему всяческого счастья и благополучия.

— Зять, — сказала она, — надеюсь, вы не причините мне вреда, я пришла наливать вам вино.

— Ну что ж, наливай, — согласился волшебник. Тогда дракон взял кувшин и налил в чашку волшебника вино. Но налил он так, что вино было на три — пять фыней выше краев и тем не менее не разливалось. Это оказалось возможным потому, что дракон владел способом усмирения воды. Увидев это, волшебник очень удивился.

— Так вот что ты можешь делать, — сказал он.

— Я могу налить еще на несколько фыней выше, — сказал дракон.

— Ну-ка, наливай, наливай, — попросил волшебник. Тогда дракон начал лить, а вино в чашке все поднималось и поднималось, пока не достигло высоты тринадцатиэтажной башни. Несмотря на то что этот столб был узким и высоким, из него не вылилось ни капли. Тут волшебник вытянул морду, выпил вино и, подтянув к себе убитую им жертву, откусил от нее.

— Ты петь умеешь? — спросил он

— Умею немножко, — сказал дракон и тут же спел песенку.

— А танцевать ты можешь? — спросил волшебник.

— Немного могу, — отвечал дракон. — Однако танцевать с пустыми руками как-то некрасиво.

Тогда волшебник скинул с себя кафтан и, вытащив из висевших у него на поясе ножен меч, передал его дракону.

Тот взял меч, осторожно проделал им три выпада вверх, четыре вниз, пять влево, шесть вправо, а затем прибегнул к «способу цветущего меча». Увидев это, волшебник от злости заскрежетал зубами. А дракон, схватив меч, нарисовал им в воздухе иероглиф-цветок и намеревался с силой ударить волшебника. Но тот вовремя уклонился в сторону. Волшебник не растерялся и, схватив стоявший рядом огромный фонарь, отразил удар. А надо сказать, что фонарь был сделан из кованого железа и вместе с подставкой весил около девяноста цзиней.

После этого оба противника покинули зал Серебряного спокойствия. Дракон принял свой настоящий вид и, взметнувшись на облако, вступил в бой с волшебником. Этот бой во тьме был поистине удивительным.

Один из них был чародеем,

В горах Ваньцзышань рожденным,

Другой же низринутым с неба

Был Западных вод драконом.

Один из них свет своих подвигов

Метал, словно молнии, бурно,

Другой источал свою силу,

Подобную туче пурпурной.

Один был, как слон белоклыкий,

Что к людям приходит и внемлет…

Лисой с золотыми когтями

Другой опустился на землю.

И первый поддерживал небо,

Нефритовой высясь колонной,

Другой же поддерживал море, —

Он балкой лежал золоченой.

Драконом серебряным в небе

Летал, в высоте извивался,

А желтый волшебник, взмывая

И падая вниз, — кувыркался.

И меч остановки не ведал,

Разил он, как будто играя,

И в вихре качался фонарик,

Метался от края до края.

Раз девять они уже схватывались, и дракон почувствовал, что слабеет. Волшебник же был по-прежнему полон энергии. Не имея сил противостоять своему противнику, дракон бросил в него меч. Но волшебник знал способ улавливания меча. Он схватил одной рукой меч, второй швырнул в меня фонарем и продолжал драться. Наконец дракон промахнулся, и волшебник схватил его за заднюю ногу. Тут дракон опрометью бросился вниз и, на его счастье, ему удалось укрыться в реке и спасти свою жизнь. И вот, когда он скрылся в воде, волшебник, бросившийся за ним, потерял его из виду и, не найдя его, взял меч и фонарь и вернулся в зал Серебряного спокойствия. О том, как он там продолжал пить вино и затем уснул, мы пока говорить не будем.

Вернемся теперь к дракону. Опустившись на дно реки, он выждал там с полстражи1 и, не слыша никакого подозрительного шума, решился выглянуть наверх. Он взобрался на облако и вернулся в гостиницу. Здесь он снова принял вид коня и прошел в конюшню. Но вид у него был жалкий; он весь был мокрый, с израненными ногами.

Однако мы не будем пока говорить о тяжелом положе- нии Сюань-цзана и о том поражении, которое потерпел молодой дракон, а вернемся сейчас к Чжу Ба-цзе. Покинув Ша-сэна, он поспешил укрыться в траве и, свернувшись там клубком, захрапел. Проспал он до глубокой ночи. Проснувшись, никак не мог понять, где находится. Протирая глаза, он с трудом пришел в себя и начал внимательно прислушиваться. И тут понял, что находится в отдаленных горах, где не слышно ни лая собаки, ни крика петуха. Взглянув на Большую Медведицу, он определил, что сейчас должна быть уже третья стража, и подумал:

«А ведь надо идти выручать Ша-сэна. Вот уж поистине правильно говорится: «Из одной шелковинки нельзя сделать нитки, одной ладонью нельзя хлопать в ладоши». Хотя, постой! Отправлюсь-ка я в город проведать учителя... Затем соберу в помощь себе храброе войско, а завтра вернусь сюда выручать Ша-сэна».

И вот наш Дурень вспрыгнул на облако и, очутившись в городе, сразу же прибыл в гостиницу. Вокруг было тихо. На небе сверкала луна. Чжу Ба-цзе осмотрел все помещение, но Сюань-цзана нигде не обнаружил. Он нашел только коня, который спал в стойле. Конь был весь мокрый, а на задней ноге у него зияла огромная черная рана.

«Вот уж не везет, так не везет, — подумал, окончательно встревожившись Чжу Ба-цзе. — Этот конь ведь никуда не ходил, почему же он весь в поту и на ноге у него рана? Наверное, какой-нибудь злодей напал на учителя и поранил коня».

А конь, узнав Чжу Ба-цзе, вдруг обратился к нему человеческим голосом:

— Брат, это ты!

Услышав это, Чжу Ба-цзе от страха повалился на землю, но тут же вскочил на ноги и бросился бежать. Однако конь вскочил и зубами схватил Чжу Ба-цзе за полу.

— Дорогой брат, — промолвил он, — не бойся меня.

— Брат, — сказал тогда, не переставая дрожать Чжу Ба-цзе, — почему это ты сегодня заговорил человеческим голосом? Вероятно, произошло какое-нибудь большое несчастье?

— Знаешь ли ты о том, что с учителем стряслась беда? —

— Ничего не знаю, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Вижу, что ты ничего не знаешь. — отвечал дракон — Когда вы с Ша-сэном показали перед государем свои способности, у него появилась мысль захватить этого волшебника, и он попросил вас взяться за это дело, обещая щедрое вознаграждение. Однако волшебник оказался сильнее вас. Хорошо еще, что в гостиницу вернулся один человек и я услышал от него, что произошло. Спросить его, я, конечно, не мог, однако услышал, что волшебник под видом красивого и благородного человека проник во дворец, чтобы познакомиться со своим тестем. Там он превратил нашего учителя в полосатого тигра, которого придворные схватили и посадили в железную клетку. У меня сердце разрывалось на части. Вас с Ша-сэном здесь не было, и я боялся, что если упущу момент, то жизнь учителя окажется в опасности. Поэтому я и решил принять вид дракона и спасти учителя Однако, прибыв ко двору, учителя я нигде не нашел. А в зале Серебряного спокойствия увидел волшебника. Тут я принял вид придворной дамы и обманул волшебника. Он заставил меня танцевать с мечом. Улучив момент, я хотел ударить его, но ему удалось увернуться и ускользнуть. Тогда он обеими руками схватил фонарь и нанес мне удар. Я бросил в него меч, однако он ловко поймал его. Затем он швырнул в меня фонарем и поранил мне заднюю ногу. Тут уж мне пришлось думать о спасении своей жизни, и я, ринувшись вниз, скрылся на дне реки. Вот откуда у меня на ноге рана.

— Неужели все это правда? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Зачем же мне обманывать тебя? — удивился дракон.

— Что же теперь делать? Как быть? — в раздумье произнес Чжу Ба-цзе. — А двигаться ты можешь?

— Могу, а что?

— Если ты можешь двигаться, уходи в море, — сказал Чжу Ба-цзе. — А я заберу свои вещи и вернусь в деревню Гаолао-чжуан, к родному очагу.

Услышав это, дракон схватил зубами полу одежды Чжу Ба-цзе и решительно отказался отпустить его.

— Брат, — со слезами на глазах сказал он. — Ты не должен быть таким нерадивым учеником.

— Ну, а что же, по-твоему, я должен делать? — спросил Чжу Ба-цзе. — Ша-сэна захватил волшебник, а я с ним справиться не могу. Чего же нам еще ждать? Надо расходиться по домам.

Дракон долго думал и наконец снова заговорил:

— Дорогой брат! Не говори так Если хочешь спасти учителя, надо позвать кого-нибудь на помощь.

— Кого же ты хочешь, чтобы я позвал? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Не теряй времени, — отвечал дракон, — отправляйся на облаке на гору Цветов и плодов и позови сюда нашего старшего брата Сунь У-куна. Он обладает силой усмирения волшебников. Пусть он придет сюда, спасет нашего учителя и заодно отомстит за те поражения, которые потерпели мы с тобой.

— Лучше я позову кого-нибудь другого, — сказал на это Чжу Ба-цзе. — С этой обезьяной я не в ладах. Когда мы еще были на горе Белого тигра и он убил там волшебника — Белую кость, он рассердился на меня за то, что я надоумил учителя прочесть псалом о сжатии обруча. Я хотел просто пошутить и вовсе не думал, что учитель примет все всерьез, начнет читать псалом и прогонит Сунь У-куна. Ты знаешь, как это тревожит меня. Да потом он ни за что не согласится идти сюда. Если в чем-нибудь перечить ему, он пустит в ход свой посох. А когда он, ни с чем не считаясь, начнет размахивать им, то мне живым не выбраться оттуда.

— Зачем он станет бить тебя? — сказал на это дракон. — Все же он гуманный и справедливый Царь обезьян. Когда увидишь его, не говори, что с учителем стряслась беда. Скажи только, что учитель соскучился без него. В общем, замани его как-нибудь сюда. А вот когда он узнает, что произошло, то он разозлится и схватится не на жизнь, а на смерть с этим волшебником: тогда волшебнику конец, а учитель будет спасен.

— Ладно, ладно, — сказал Чжу Ба-цзе — Раз ты принимаешь все это так близко к сердцу, придется мне пойти, а то выходит — мне до всего этого никакого дела нет Я отправлюсь на гору Цветов и плодов. Если Сунь У-кун согласится прийти сюда, вернусь вместе с ним. Если же он откажется, я не вернусь, не жди меня больше.

— Ладно, иди, иди, — сказал дракон — И непременно приведи его сюда.

Тут Дурень подхватил свои грабли, заправил за пояс рясу и, прыгнув вверх, оседлал облако и отправился прямо на восток. И на этот раз не суждено было Танскому монаху погибнуть. Дурень плыл с попутным ветром. Огромные уши служили ему парусами, и вскоре он достиг Восточного моря. Здесь он опустился на землю и, даже не замечая времени, углубился в лес и стал искать дорогу. И вот в тот момент, когда он продвигался вперед, он вдруг услышал голоса. Внимательно присмотревшись, он увидел в горной долине Сунь У-куна. Вместе с ним там было множество оборотней. Сунь У-кун сидел вверху, на каменной скале, а перед ним стройными рядами расположились более тысячи двухсот обезьян, которые восклицали:

— Да здравствует отец наш, Великий Мудрец!

«Вот это почет! — подумал Чжу Ба-цзе. — Что же удивительного в том, что он не хотел быть монахом и все время рвался к себе домой? Так вот, оказывается, в каком хорошем месте он живет, а какое хозяйство! И к тому же столько обезьян, которые ухаживают за ним. Да если бы у меня была такая гора, я ни на минуту не остался бы монахом. Однако как же мне быть?— думал он. — Раз уж я прибыл сюда, хочешь не хочешь, а придется повидаться с ним».

А надо сказать, что Дурень все же побаивался Сунь У-куна и не осмеливался прямо и открыто предстать перед ним. Прячась в траве, он тайком проскользнул в толпу обезьян и вместе с ними начал отбивать перед Царем обезьян земные поклоны. Но он не учел, во-первых, того, что Сунь У-кунь сидел высоко и ему все было видно, а, во-вторых, забыл про весьма зоркие глаза своего старшего брата.

— Что это там за дикарь и как безобразно он кланяется? — громко спросил Сунь У-кун. — Откуда он взялся? Приведитека его сюда.

И только он это сказал, как обезьяны набросились на Чжу Ба-цзе, вытолкнули вперед и поставили перед Сунь У-куном.

— Ты откуда пришел? — обратился к нему Сунь У-кун.

— Я не осмеливаюсь обратиться к вам, — опустив голову, сказал Чжу Ба-цзе. — Я совсем не чужой, а ваш хороший знакомый.

— Все мои подчиненные обезьяны, — сказал на это Сунь У-кун, — совершенно одинаковы. У тебя же морда совсем другая. Да и выглядишь ты каким-то увальнем. Конечно, ты оборотень и неизвестно откуда пришел. Ну, а раз ты пришел со стороны и хочешь быть моим подчиненным, то прежде всего расскажи о себе, кто ты такой? Когда ты сообщишь мне свое имя, я, может быть, оставлю тебя здесь, и ты будешь жить, как и все остальные. Но я могу и не оставить тебя здесь. Как же ты посмел явиться сюда и нарушить церемонию?

— И не стыдно тебе. — обиделся Чжу Ба-цзе, надув губы и опустив голову. — Взгляни на меня!

Сколько лет я был твоим нареченным братом, а ты даже не хочешь признавать меня и называешь чужеземцем.

— Ну-ка, подними голову, дай мне посмотреть на тебя, — сказал смеясь Сунь У-кун.

Тут Чжу Ба-цзе вытянул свою морду и крикнул:

— Ну, видел? Если не признаешь меня, хорошо, что хоть физиономию мою признал!

— Чжу Ба-цзе! — не удержавшись, расхохотался Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе даже подскочил.

— Ну, конечно, это я, Чжу Ба-цзе, — закричал он. «Раз узнал, так и разговаривать будет легче», — подумал он.

— Почему же ты оставил Танского монаха и явился сюда? — спросил Сунь У-кун. — Ты, видно, оскорбил учителя, и он прогнал тебя? Есть у тебя какое-нибудь свидетельство об отставке? Дай-ка, я посмотрю.

— Учителя я не оскорблял, — сказал Чжу Ба-цзе. — Никакой бумаги он мне не давал и не прогонял меня.

— Почему же в таком случае ты пришел сюда?

— Учитель соскучился по тебе, — сказал тут Чжу Ба-цзе, — и послал меня за тобой.

— Вовсе он меня не приглашал, да и не соскучился по мне, — сказал на это Сунь У-кун. — Он перед небом дал клятву, что отказывается от меня навсегда и в доказательство этого своей собственной рукой написал мне свидетельство. Почему же это он вдруг заскучал обо мне и послал тебя в такую даль за мной? Нет, нечего мне идти туда.

Чжу Ба-цзе растерялся.

— Но он действительно соскучился по тебе, — поспешил он заверить Сунь У-куна.

— Что же это он вдруг заскучал?— спросил Сунь У-кун.

— Вот, например, когда мы идем, — сказал Чжу Ба-цзе, — учитель обращается ко мне, а я не

слышу. Ша-сэн тоже прикидывается глухим. Тут учитель всегда вспоминает о тебе и говорит, что мы никуда не годимся. Он считает тебя умным и сообразительным. Если тебя позвать, ты всегда откликаешься. На каждый вопрос у тебя готово десять ответов. В общем, учитель ощущает твое отсутствие. Поэтому он и послал меня за тобой. Очень прошу тебя — пойдем со мной. Ты не должен огорчать учителя и, кроме того, подводить меня, я ведь шел за тобой издалека.

Выслушав его, Сунь У-кун спрыгнул со скалы и, схватив Чжу Ба-цзе за руку, сказал:

— Дорогой брат! Раз уж ты пришел издалека, давай прогуляемся.

— Время не ждет, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Учитель не хочет задерживаться в пути, и мне не до прогулок.

— Нет, раз уж ты попал сюда, ты должен посмотреть, какие у нас здесь красивые места, — сказал Сунь У-кун. Дурень не смел больше отказываться и пошел за Сунь У-куном. Шли они, обняв друг друга, а за ними следовали подчиненные Сунь У-куна. Они поднялись на вершину горы Цветов и плодов. Здесь было удивительно красиво. Возвратившись в свои владения, Великий Мудрец за короткое время успел навести образцовый порядок:

Синева была подобна

Зимородка оперенью;

На горах водились тигры,

Жили в логовах драконы.

В облака вступали горы;

Раздавались в отдаленье

Журавлиный крик печальный,

Обезьяний визг и стоны.

По утрам клубились тучи,

И туман вставал в ущелье,

На закате в чащу леса

Солнца падало сиянье;

И звенели там потоки,

Словно кольца ожерелья,

И нежней казалось лютни

Струй спадающих журчанье.

На горах росли деревья

И, цветя и зеленея,

Перед цепью этой горной,

Шли подъемы и откосы;

Подымали горы миску,

Ту, в которой ночью феи

Умывались и плескались,

Мыли шелковые косы.

А внизу сходили горы

К Млечному Пути, откуда

Посылается на землю

Рек раздольное теченье;

И земля сливалась с небом,

И казалась светлым чудом,

Красотой, Пэнлаю равной,

Вызывая восхищенье.

Чистота и муть когда-то,

Разделясь, образовали

Небожителей бессмертных

Драгоценное жилище.

Кисть художника и краски

Воссоздали бы едва ли

Эти скалы, что сияют

Блеска солнечного чище.

Перед этою задачей

Отступил бы даже гений,

Свет гирляндами вздымался,

И вершина засияла;

Темно-красными лучами

По камням скользили тени,

Ароматов легких нити

Вдруг сплелись зарею алой.

Рай земной такие горы —

И полны благословенья:

В красоте первоначальной

И утесы и долины.

Здесь растут на горных склонах

Вечно свежие растенья,

Новые цветы одели

Неприступные вершины.

Чжу Ба-цзе смотрел, смотрел и никак не мог налюбоваться окружающей красотой. Чрезвычайно довольный всем виденным, он в восторге воскликнул:

— Дорогой брат, какое чудесное здесь место! Это, несомненно, самая красивая гора во всей Поднебесной!

— Ну что, брат, — спросил Сунь У-кун, — можно здесь жить?

— Что ты, — смеясь сказал Чжу Ба-цзе. — Это благословенная земля, а ты спрашиваешь, можно ли здесь жить.

Так, беседуя и шутя, они не заметили, как пролетело время. Спустившись с горы, они увидели около дороги нескольких обезьян, которые почтительно преподнесли им огромные гроздья темно-красного винограда, душистые груши и финики, отливающие желтизной пиба, дымчато-красные спелые сливы.

— Великий Мудрец, — промолвили обезьяны, встав на колени, — разрешите пригласить вас завтракать.

— У моего брата, — сказал смеясь Сунь У-кун, — неплохой аппетит и одними фруктами его, пожалуй, не накормишь. Ну, да ладно. Ты уж не побрезгуй тем, чем мы богаты. Может быть, они заменят тебе пироги?

— Хоть аппетит у меня действительно неплохой, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — но я всегда уважаю обычаи тех мест, где мне приходится бывать. Давайте, я попробую, что у вас за фрукты.

И Чжу Ба-цзе вместе с Сунь У-куном принялись за еду.

Между тем день уже был в самом разгаре, и Дурень начал беспокоиться о том, что они не успеют спасти Танского монаха.

— Дорогой брат, — стал он торопить Сунь У-куна, — учитель, верно, заждался нас. Нам следовало бы поторопиться.

— Почтенный брат мой, — отвечал на это Сунь У-кун. — Прошу тебя пройти в пещеру Водного занавеса и отдохнуть немного.

— Я очень признателен тебе, дорогой брат, за твою любезность и гостеприимство, — ответил Чжу Ба-цзе, — но учитель и так давно ждет нас. Уж лучше нам, пожалуй, не ходить в пещеру.

— В таком случае не смею больше задерживать тебя, — сказал Сунь У-кун. — Тогда мы здесь с тобой и распрощаемся.

— А разве ты не пойдешь со мной? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Зачем же мне уходить отсюда?— сказал Сунь У-кун. — Здесь я не подчиняюсь ни небу, ни земле. Живу в свое удовольствие, совершенно свободен, не бегаю, как мальчик на побегушках, и перестал быть монахом. Нет, я не пойду, иди сам и скажи Танскому монаху, что раз он прогнал меня, так нечего и скучать.

Выслушав это, Дурень не решился больше настаивать, боясь, как бы Сунь У-кун не рассердился и не пустил в ход свой посох. Пробормотав несколько слов на прощанье, Чжу Ба-цзе отправился в обратный путь. Между тем Сунь У-кун послал вслед за ним двух проворных, сообразительных обезьян, чтобы узнать, как поведет себя Чжу Ба-цзе. Не пройдя и четырех ли1, Дурень повернулся и, указывая пальцем на то место, где, по его мнению, должен был находиться Сунь У-кун, начал ругаться.

— Ах ты мерзкая обезьяна, — кричал он. — Тебе не нравится звание монаха, ты предпочитаешь быть оборотнем-обезьяной. Грязная ты обезьяна, я пришел с добрыми намерениями, а она, видите ли, не желает идти. Ну, не идешь — и черт с тобой! Пройдя немного, Чжу Ба-цзе снова принимался ругаться.

Услышав это, следившие за ним обезьяны опрометью бросились назад.

— Отец наш, Великий Мудрец, — докладывали они, — этот Чжу Ба-цзе очень нехороший

человек. Он идет и все время ругает вас.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел и, собрав своих обезьян, бросился догонять Чжу Ба-цзе. Догнав его, они повалили Чжу Ба-цзе на землю, схватили его и поволокли обратно.

Однако о том, как Сунь У-кун проучил Чжу Ба-цзе и удалось ли Дурню выбраться живым, вам, читатель, расскажет следующая глава.

http://tl.rulate.ru/book/14623/286460